

ЯВНО СМЕНИ  
на смена на

Первый номер вышел в январе 1924 года

№ 2 ЯНВАРЬ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

# СМЕНА 1000

СМЕНА  
СМЕНА  
СМЕНА



Георгий РАДОВ

# ЗАТЕЙЩИКИ



авно люблю это матовое русское слово — затейщик, — как, впрочем, и глаголы «затевать», «затевать», «выражающие, на мой взгляд, одно из удивительных свойств советского характера. Владимир Иванович Даль — он ведь вот какое дает толкование этим словам: «затевать, затеять... вздумывать, придумывать, выдумывать, вымышлять и замышлять; зачинать, быть зачинщиком, иноводом, выдумщиком и исполнителем выдумок своих». Всё это наше! Наше это, привычное: и вздумывать, и выдумывать, и затевать, а еще Больше наше вот что: «быть и выдумщиком и исполнителем выдумок своих! С тем мы выросли, в том же духе песенку детей своих, то же самое внушим внукам, гражданам страны особенной, новаторской, страны-разведчицы, чей великий затейщик Владимир Ильич Ленин даже о слове «фантазер», вызывавшем негодование уважаемых обязательств, отказался в высшей степени положительно. Тут, впрочем, не следует путать затейщика с затейником, хотя и затейник — фигура, ох как необходимая в жизни нашей! Это, по уточнению Дала, «шутник, весельчак, затевающий всячину в общест-



Фото В. САЙКА

вен. Но затейщик важней! Затейщик — куда серьезней! Как определяет словарь, это человек, «затевающий путное... не шутки!».

Сколько живу, вижу вокруг себя затейщиков. Первый из них, мой пионерский вожатый Ваня Негруль, и по сей день шлет письма. Будто бы забывая, что и мне уже за пятьдесят, пишет: «До сандалия, мой мальчик. К борьбе за рабочее дело будь готов!» И надо же так: сорок лет прошло, а он, коммунист Иван Иванович Негруль — живет он нынче в Минске, — помнит и своих пионеров и друзей-комсомольцев, а в позапрошлом году это он вместе с другом станинником Иваном Ягло собрал у нас в Васюринской, под Краснодаром, едва ли не всех оставшихся в живых станинничих комсомольцев и пионеров двадцатых годов...

Он, между прочим, был и затейником: и весельчаком и человеком, «затевающим веселину в обществе»: футбол-то они, именно они привезли в нашу станицу, Ваня и Жора Негрули и третий брат из этой комсомольской семьи, недавно умерший, — он был в последние годы полномочником в отставке — Семен Ребров. А спектакли, или, как тогда называли их, «постановки в народном доме»!

А либез?! Наша станица, это и в документах увековечено,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

# СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ  
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА  
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.  
Выходит два раза в месяц.

№ 2 (1000)

1969

ЯНВАРЬ

Наша обложка: тематический номер «Смены».

Работа художника  
О. БЕЗУХОВА



4

В КАДРЕ ЛЕНИН:

Стокгольм, 13 апреля 1917 года.



12

Владимир СОЛОУХИН  
представляет наш новый  
раздел «Красота родной  
земли».



20

Мир молодости  
в работах фотомастеров:  
ВЬЕТНАМСКИЕ  
МОЛОДОЖЕНЫ.



26

О своих сегодняшних делах  
рассказывает прослав-  
ленный советский штан-  
гист Юрий ВЛАСОВ.



В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ВЛАДИМИР САВЕЛЬЕВ. ПОЭМА О ЛЕНИНЕ

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ:

ПОЕТ ГЮЛЛИ ЧОХЕЛИ

АДМИРАЛ А. Т. ЧАБАНЕНКО: ВОЕННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПОВЕСТЬ-АНТИДЕТЕКТИВ «ДВОЕ СРЕДИ ЛЮДЕЙ»

АРКАДИЯ И ГЕОРГИЯ ВАЙНЕРОВ

И. о. главного редактора А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Змошнин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стужов [главный художник]

Художник-оформитель В. Соколов Технический редактор Н. Будкина







# ВМ, 13 апреля 1917 года



пологий негатив. Негатив этот хранится у меня... Мой отец Вилле Малмстрём не был членом социал-демократической партии Швеции. Но он всегда сочувствовал этому движению и находился в дружбе с лидерами, делал фотоснимки для левых газет. Мой отец путешествовал по всему миру и очень хотел поехать в Советский Союз. Мысль его не сбывалась. Он умер. Сильвио и его помню, он всегда был с камерой в руках... Его называли первым фотографом Швеции...

Далее он сообщил имена людей, которых вы видите на снимке рядом с Лениным. Слева — лорд-варшавец Швеции Линдвалден, справа — Туре Нерланд и несколько впереди — Фредерик Стрём. Итан, и пополнил «карточку росписи» новыми фамилиями и, главное, имена на руках оригинал стоогольмского снимка. Долгими вечерами и разговаривала фотографично через лупу, сравнивала людей с иконописцами и менищниками. Ничего нового, ничего удивительного. Значит, опять — в который раз! — нужно было менять направление поиска. «Что еще из ветеранов партии мог быть в то время в Стоогольме?» — задумал себе этот вопрос и через несколько дней выяснил: во-первых, Д. Ганецкий. Это он принял на себя заботы по встрече ленинской группы в Стоогольме и в этот же день был введен в состав Заграничного бюро ЦК партии. Во-вторых, В. Воросиний, тоже входящий в состав членов Заграничного бюро. Да, эти люди наиболее вероятны...

Дочь Ганецкого дарит мне фотографично отсюда. Из фоточерноковой русской делегации на Гаухусской конференции портрет Вацлава Вороского... Снова обращаясь к Стоогольмскому снимку, Внимательно — лицо за лицом — просматриваю его. Ганецкий нет наверняка... А вот этот худощавый человек бесспорно — Круссий. Уж не Воросиний ли это? С помощью репродукционной камеры «вытащив» лицо Вороского из снимка, Сравниваю с портретом. И никаких сомнений — Вацлав Вацлаво-

вич Воросиний! Для еще большей уверенности показываю снимки специалистам. «Это Воросиний!» — заявили они в один голос. Ну, а Инесса Арман? Она-то непременно должна была быть в ленинской группе! Но как узнать, кто из менищников, кроме уже известных нам, на стоогольмском снимке — Арман?

Решила надо искать приметны... Перечитываю воспоминания семидеятого года. Воспоминания политэмигрантов. Одно, другое, третье... Ничего для меня интересного... А открытие лежало у меня на столе. В новой книге о Ленине, донимая мне подаренной. И, просматривая ее вскользь, и совершенно случайно прочел абзац воспоминаний Карлинского, сандетали-очевидца отъезда ленинской группы из Швеции. Среди прочих подробностей была, представьте себе, и та, которая интересовала меня. Инесса Арман по случаю успешных переговоров Фрица Платтена с германскими представителями, уставшая и свою шляпку большое КРАСНОЕ ПЕРО. Немедленно беру снимок. Осматриваю с великой тщательностью теплые уборы менищников. ЕСТЬ! Едва уловившая черточка на шляпе дамы, идущей рядом с Воросиним и Круссий. Инесса Арман!

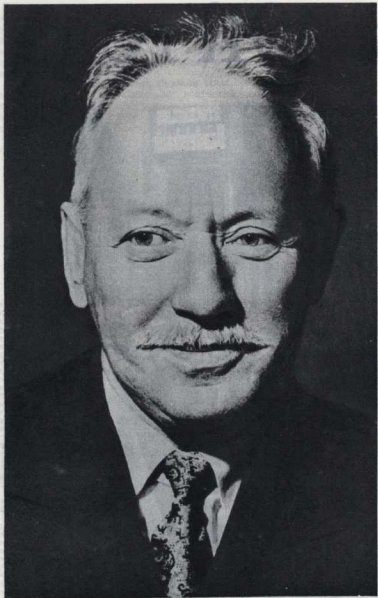
Я мог бы и дальше продолжить свой рассказ о расшифровке стоогольмского снимка. Но, памятуя мне, наиболее любопытные подробности поиска уже вам известны. Остается, пожалуй, добавить, что на нашем снимке почти все люди теперь «расшифрованы». И сейчас я занимаюсь изучением их дальнейшей судьбы.

О самом главном вы опит-таки знаете. Три дня спустя после того, как был сделан стоогольмский снимок, 16 апреля 1917 года, Ленин прибыл в Петергофе. И здесь первая народное опромисе свою первую после эмиграции речь, которую закончил словами: «Да здравствует социалистическая революция!»

Ленинский день 13 апреля 1917 года стал событием истории благодаря этому снимку (фотография впервые публикуется полностью с негатива, привезенного в СССР Малмстрёмом-жасбишл).



Автор стоогольмского снимка Вилле Малмстрём (Фото 1917 года). Публикуется впервые).



# У ШОЛОХОВА В ВЕЩЕКСКОЙ

*Как один из старейших авторов "Спутника", перешедший в маршале мае 1925 г., Шолохов с нами серьезно пообщался в связи с выходом 75-летнего юбилея и много ей всего про нас и старую, много говорящую, книгу о войне и любви.*

Валери Шолохов

28.11.68.  
Св. Вещекасов

Итательская психология не отличается особой оригинальностью. Всякий, кто попадал в ставку Вещекасова, после обязательного слеша сообщал, как там в каждом востроном искал черты Григория Мелехова, Аksenых или даже Шухера. Может быть, эта коучущая в репортаже в репортаж фраза иной раз и вызывает ироническую усмешку в адрес назидательных журналистов, которые никак не могут выбраться из добрей избитых газетных штампов.

Но что подделав, если это происходит помимо твоей воли? что подделав, если, ступив на эту незнакомую тебе землю, действительно начинаешь искать и находишь до боли знакомые места, лица, в словесный образный доносской говор кокетства твоим близким, будто слышал его всю жизнь.

Вот так в жубинском поселке Кошмар призраке ищут старого рыбака, который послужил Хемингуэю прототипом героя в повести «Старик и море». Напрасно до Эрнесто убеждать, что старик Сантьяго — образ собирательный, что нет конкретного лица, с которого он списан. Восторженные поклонники в два счета находят прообраз и тянут с ним маленькими глотками бабеловки со льдом а крошечной забавловке на берегу моря.

Вот так поднимаются на самозанную гору Ваза и молят Роберта Луиса Стивенсона, надеясь на глухой тропе в джунглях услышать песню капитана Флинта.

Читатель любит конкретизировать художественный образ и материализовать мысль писателя. Да вот беда: добиться его признания удается далеко не каждому из пишущих. А при жизни стать признанным классиком — и того реже. Тут нужно нечто гораздо большее, чем простое «повезело».

И хочется говорить привычными фразами, вроде «пронзительные, созвучные эпохе, историческая летопись героических дней и тому подобно». Хочется сказать просто: книга должна быть Книгой, если через десятилетия чувствуешь себя соучастником событий, описанных в ней, если годы не могут стереть в памяти ни сюжета, ни деталей, а герои, знаешь, так хорошо, что, повстречая случайно на улице, скажешь: это он.

Не Дону я жил много лет. Изъездил, кеметас, все станции и хутора. Но в Вещеку приехал впервые только теперь. Я не стал бродить по ее улочкам в поисках знакомых по «Лихому Дону» и «Поднятой целинне» литературных героев. (Все это уже было со мной раньше.) По грохочущему автоматическим поитонному мосту перешел на правый берег, весь в зарослях краснотала, осокора и пропоял. Едва заметная тропка стал продираться вверх по тениению. В промерзлом, еще не укрытом снегом лесу было неуютно. Колода не успели завалить реку в этом месте, но льдины, пригнанные с верху, расклинились, стали от берега до берега, пустив меж собой трещины и темные разломы. Малейшее движение могло разрушить все это непрочное надгромождение. Но Дон не торопился ни, не гаял к Азовскому морю. Его тихое течение, казалось, вообще замерло в этом месте. И только легкое поскрипывание льдин о лесок говорило, что река жива.

И сам не пойму, зачем забрался в эти заросли. Иногда ноги сами несут туда, куда ни надо. Но, странное дело, я, не разу не ходивший в эти места, хорошо их знал. Напрасно вспоминать, в какой главе романа я прочел о таком же лесу, напрасно вспоминать, что делал тогда и говорил именным героям. Вовсе, что через двадцать лет память сразу вернула литературный образ.

Значит, книга была Книгой. С Шолоховым встретился в следующие утро. Задание редакции было конкретно. В 1925—1926 годах только что родившийся молодежный журнал «Спутник» опубликовал первые рассказы начинающего писателя. Дебют был успешным. И через два года писатель прислал из своей станции обширный ранее роман. Это был «Тихий Дон». И хотя «тотемный журнал» не смог тогда осилить романа, лавры первооткрывателя писателя остались при нем. На этом основании нужно попросить главы из книги «Он скрамился за Родину».

Шолохов прочел письмо редакции. — Приятно, что помните, — сказал он. — Столько лет прошло, что я и сейчас забыл, когда что публиковал. Только вот просьбу вашу, к сожалению, не могу выполнить. Роман еще не готов. Несколько месяцев работая над одним куском. Все как-то он не давался. А кончил — оказалось, нужно еще кое-что дописать, иначе читателю будет непонятны отдельные моменты.

Он не стал уточнять, какие это моменты. Но это было понятно и без того. Из отрывков, которые цитировались в газетных очерках, стало ясно, что главы, которые родились четверть века назад и рассказаны о лете сорок второго года, разрозненные, захватили не только войну, но и предвоенные годы.

Конечно, очень трудно описать эпоху по старым следам. В потоке быстротекущих фактов тяжело отделить главные от второстепенных. А разве легче это сделать по прошествии столетий, когда устойчивое мнение, ставшее традиционной концепцией, но не доказанная и не опровергнутая спорность некоторых из них.

Ну, а когда же можно будет прочесть роман целиком! — спрашиваю я.

— Трудно сказать, сколько уйдет времени на доработку. Но некоторые главы, возможно, опубликую скоро... У моего журнала юбилей, — сказал Шолохов. Он взял лист из стопки бумаг и быстро стал писать. Это покаяние.

Дон все-таки сорвал льды и вынул их к ног. Понимный мой и вынул разрезы и вытаскивал на мелководье. Паром не успевал перевозить через реку автомашину и пассажиров. Длинная змея грузовиков и легковушек вытискивал по обоим берегам.

— Ну, начался у нас горячак! — с какой-то веселой яростью крикнул первый. Я ждал своей очереди около часа. Глядел на людскую кучерявость у реки. Вспомнилось, что летом сорок второго ты тогда стоял в Вещеке. И денечки стояли пологораме. Наверное, о ней, этой фронтовой переправе, сможем прочесть в новом романе. И тогда донго будет вспоминать и утешать ее в любом доносском пароме.

Л. ПЛЕШАКОВ



## ЮРИЙ БОНДАРЕВ

В 1949 году на страницах «Смеи» появился первый рассказ Юрия Бондарева, который назывался «В пути».

В настоящее время писатель заканчивает работу над новым романом «Дни без милосердия», сюжет из которого мы предлагаем нашим читателям. Как и многие предыдущие произведения Ю. Бондарева, роман посвящен войне. В нем повествуется о боях под Сталинградом, когда танковые дивизии Манштейна пытались пробиться на выручку окруженной группировке Паулюса, а на ее пути встали наши советские войска.

После четырех часов марша среди стальных боч горючего стали без хвостов, без коротких привалов, без общепных кулонов постепенно смолкли голоса, смех, возбуждение прошло — люди дрыгались мокрью от горячего пота, слезились, болели глаза от бесконечного жесткого, как песок в глаза, сверкания солонного и пустынного снега. Изредка где-то слева и справа гурманомыло отдавленным гроном и смолкло, но никто не обращал внимания, уже не было сил думать об этом, объяснить себя, где сейчас фронт, в каком направлении идет колонна. Шли, опустив глаза, врыва от времени с обочи хватая пригорьнями колошачий снег. Все ели его, корявая губы, глотали его, но снег не утолял жажды.

Уже разрозненная усталостью, с погасшим давно известиями весьлем, колонна на каждом километрестройно растаскивалась, солдаты шагали все медленнее, все безразличнее, кое-кто уже держался за цыты орудий, за передки, за

бота повозок с боеприпасами, что, механические молота головани, тангуи и тануи маленькие, потные, лоскающие микроскопиче, с мурчаны мордами, обросшими косматыми колошачи иня. Двигались в артиллерийских упряжках вялоно лосничащие на солнце брота коровников, на крутых спинах которых в дряхлом безразличии оцепенело покочивались в складках одежды; визгливые колеса орудий, стучали валки, где-то позади утруднено зывали моторы «ЗИСов», и порой на подьемах пронзительно свистели по льду, бусуя, колеса табуначи и тяжелых конических батарей. Раздробленный хруст снега под множеством ног, ритмичные удары копыт вмяющихся лошадей, возникающие и пропадающие всплески брызгущих колес — все сливалось в однообразный, дряхлый звук, и теперь казалось, что над всем — над этими вялыми движениями, над орудиями, над людьми — таяшко нависала из радужной синевы белесая пелена с радужными итлами солнца, и растынувшись по степи колонна заведено дрыгалась в ней, как в полусне.

Кунцево уже давно не шел вперед первых выноских, как это полагалось командирю взвода, а шел за вторым орудием, весь потный, тямистерия под ватником и шинелью прилипла к груди, жаркие струйки скатывались из-под шепки от пылающих висков, замерзали тут же на морозном ветру, и щечи, брызги туго стегивало, от дыхания ладной коркой оброс воротник — все тело было разгоречено, в спину обливало ознобом, мерзла в перчатках кончики пальцев.

Взвод дрыгался отдаленными группками, давно потеряв первоначальную, обработанную его строгостью, когда с шутками, с беспринципным смехом выходили в степь со станции выгрузки. Теперь все молчали. Перед глазами Кунцевова равномерно колыхались стины, торчавшие буграми вешешкою, члело сбивался на шинели, ремни, отпнутые гранатами, уже несколько вешешкою, кем-то сброшенных с плеч, лежали на передках. Кунцево шагал в усталом безразличии, ожидая только одного — команды на привал, и вурчал маленько, оглаживаясь, понимая, что страдает так же, как и другие из его взвода: как Чибисов, в погнором переутомлении ковылявший за повозками, как это наволочил Ничев, от акнуратной, талосой выности мотора и отдаленности, его заидеивался, мурчам усидки, на которые он тантуе губы, дышал, при этом странно облизывал их.

Когда же наконец привал? Когда привал? Когда в асоевном привал? Забыл! — услышал он за спиной звучный и лютый голос лейтенанта Давлатяна; этот его голос всегда удивлял Кунцевова своей наивной школьной чистотой, даже зывая у него приятные, как мисть о прошлом, осмысливания о том, что было когда-то немое илю, бесшумное, школьное время, в котором, вероятно, жил еще Давлатян, но которое уже смутными и дрылками казалось Кунцевову.

Он оглулся, с трудом шло дрылание, колени влячней шепталоудный подворотною, выданный еще в уличке. Командир 2-го взвода Давлатян, с худеньким большеглазым лицом, до

гоняя Кунцевова, устало переставля валеники, и аппетитно грыз комоч снега, как кусок рафинада.

— Поступай, Кунцевова, — сказал Давлатян своим школьным чистым голосом, — ничего не понимаю...

— Что, Гога? — спросил Кунцевова, называя его еще по-ученическому.

— Ты знаешь, это какая-то вурда, Кунцевова, — заговорил Давлатян быстро. — Сначала мы шли на север, а потом повернули на запад. Куда мы идем!

— На передовую, конечно.

— Сам знаю, что на передовую — вот уж, понимаешь, угадал! — Давлатян фыркнул даже, но его большие, блестящие глаза, недоуменно косились. — Сталинград ведь сюда ведет. Снеги, вот ты говоришь, куда мы можем прийти? Это таяшка какая-то!

— Все равно на передовую, Гога, — повторил Кунцевова. — Только на передовую — и больше никак.

Давлатян обижено повея острым, нажженным ветром носом.

— Это что, афоризм, да? Я что, должен засмеяться? Сам знаю. Но где же здесь может быть фронт? Куда идем? Куда-то не юго-запад. Хочешь посмотреть по комсулу?

Лейтенант Давлатян хотел, видимо, серьезного разговора с Кунцевовым, но этот разговор не мог сейчас ничего выслить. Обз ничего не знали о точном направлении фронта, как казалось, измененном на марше, только уже догадывались, что конечный пункт движения не Сталинград: он остался теперь за спиной, где изредка погрязнимо отдавленным гроном.

— Подтянись!... — слышалась команда вперед, нехота передаваемая во колонне голосами.

— Шире шаг-а!

— Ничего пока не ясно, — сказал Кунцевова, взглянув на чернотую среди степи безразлично растянуто колонну. — Куда-то идем. И все время подгоняют.

— Ну и приверсно... Подтянись, ребята! — живо подат командир, но Кунцевова не слушал. Давлатян с немки отнявшим уличным строевым переливом, но поперхнувшись командой и, виновато смеясь, сказал: — Вот, знаешь, эскиммо помещало, в горле застряло! А ты что? Утолит команду, а ты все мурчам, как мамаш! — И, бегло севар, с насладением пощая комок снега.

— Брось, Гога, попадешь в медсанбат. Помо-ему, ты охри уже, — невольно улыбнулся Кунцевова. — Ты что, любишь эскимм!

— В медсанбат? Никогда! — воскликнул Давлатян. — Какой там еще медсанбат! К черту, к черту!

И он, как перед школьными экзаменами, суетливо сплюнул трижды через плечо, поспевая сразу, швырнул комоч снега под ноги. — Я знаю, что такое медсанбат. Умак в квадрате. Провалился все лето, Кунцевова, хоть вешей! Личник как дуран и только слышишь. «Сестра, судно, сестра, утку!» Да, идиотская вурда какая-то, знаешь. Только на фронт после формирования под Воронежем прибыл и на второй день головуя какому-то подхватил. Глубейшая болезнь. Главовета называли: «Со стада муза с уах не сошла!»

Давлатян презрительно засмеялся, но а то же время обеспокоено поднял глаза на Кунцевова, словно предупреждая, что ему смеяться над со-





скую пробку на фляжке. Если не поможет — убьете меня. Вот из этого карабина. Стрелять умеют?

— Да, умею, — ответила Зоя. — Не беспокойтесь. Сумею нажать спусковой крючок. Дайте-ка фляжку.

Кузнецову почему-то неприятна была эта неестественная оживленность после короткого разговора с Дроздовским и эта странная твердость Зои, и он сказал:

— Уберите, Уханов, фляжку. Что вы предлагаете Водку?

— Нет уж! А может быть, я хочу! — Зоя с вызывающей решимостью повернулась к нему. — Именно хочу! Что вы мне, лейтенант, охраняете? Вы что, ревнуете? Она засмеялась, сжав зубы. — Вы разве имеете на это право?

— Не могу вас ревновать к вашему мужу, — но сразу сказал Кузнецов полусерьезным тоном, и это, покладисто, прозвучало отаратительной, вымученной пошлостью.

— К какому мужу?

— К Дроздовскому.

Она расширила глаза.

— Кто вам сказал, что он мой муж?

— Сами сказали.

— Какая чепуха! Я ничья, понимаете? Ницца! Понимаете вы это?

— Мы это запомнили, — ответил Уханов.

— Вас не поймешь, Зоя, — сказал Кузнецов и отвернулся, нахмурясь.

— Тогда спасибо вам, братики, — проговорила Зоя. — Вы все-таки хорошие. С вами можно воювать.

И, закрыв глаза, как в ожидании боли, с отвращением отпила глоток из фляжки, закашля-

лась, сейчас же засмеялась, помавав варежкой перед вытянутыми губами, и на секунду увидел Кузнецов: с ухом она отдала фляжку, посмотрела сквозь влажные ресницы на Уханова, спокойно завынчавшего пробку, но сказала не без веселого удивления:

— Какая гадость, Уханов... но как же-таки хорошо! У меня сразу лампочка в животе заглясла!

— Может быть, еще? — спросил добродушно Уханов. — Вы разве в первый раз? Это самое... Зоя, усмехнувшись, кинула головой.

— Нет, я много, много раз...

— Убери, и чтоб я не видел! — резко и мрачно сказал Кузнецов и оттолкнул руку Уханова с фляжкой. — И проводи Зою в санроту. Там ей будет лучше.

— Вы хотите мной командовать, лейтенант? Правда? — шуточно проговорила Зоя. — Вы, кажется, подражаете Дроздовскому, но не очень умею. Он бы железным голосом приказал: «Уезжай в санроту, — и Уханов ответил бы: «Есть».

— Я бы еще подумал, — сказал Уханов.

— Ничего не думали бы. «Есть» — и все! — Од-держивай! Спусти! — донеслась спереди близкая команда. — Тормоз! Все к орудию!

Кузнецов повторил команду и пошел в голову батареи, где вокруг колес первого орудия и упряжки уже столпились солдаты, ружьями придерживая оружейные колеса, упираясь плечами в щит, в перадек, в взводе с руганью, с криками натгнали поводья, сдерживали доисходящие от пота лошадей, приседающих на задние ноги перед крутым спуском в глубокую балку.

Рисунок В. ЮДИНА



Академик Н. Н. СЕМЕНОВ

# ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЕ ШАГИ К ВЫСШЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКЕ

## МЫСЛИ О РОЛИ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

В наши время развитие науки и рождения новых техник становится одним из важнейших факторов прогресса народного хозяйства и экономики страны. Теперь это для тех, кто ориентируется старые и использует уже старые производственные процессы. Техника и методы производства уже не являются в огромном количестве устаревшими и заменяются новыми, более прогрессивными. Капитальные затраты на объяснение и обучение в этот период огромны. Поэтому возникает потребность в скорейшем развитии научных, научно-технических и проектных работ. Быстрыми темпами растет целая система научно-исследовательских и проектных институтов. Но наряду с этой системой возникает потребность и в исследовательских лабораториях непосредственно на больших заводах. Заводские лаборатории, которые ранее выполняли лишь контрольные функции, превращаются в крупные научно-исследовательские органы заводов.

Одновременно идет быстрый процесс все более полной автоматизации завода. Это тенденции к автоматизации с одной стороны, к быстрому сокращению числа рабочих в цехах и к использованию автоматического, с другой стороны, и резкому повышению квалификации персонала. Заводы ближайшего будущего, как я думаю, будут состоять из нескольких автоматизированных цехов с тем существенно различный частей: полностью автоматизированные, с программными цепочками с управляющими системами счетно-решающими устройствами и системами контроля. Это лаборатории, включающие конструкторские бюро, опытные установки, лаборатории мастеров, математический персонал и т. д. Количество рабочих на заводе будет уменьшаться, но количество занятых в первом подразделении, то есть рабочих, будет постоянно увеличиваться. Их образование — расти, будет расти и процент инженерного состава. Поэтому можно считать, что в будущем следует, что подготовка в вузах квалифицированных и квалифицированных кадров, подготовка рабочих, инженеров-исследователей и специалистов приобретает все большее государственное значение. Конечно, и подготовка кадров автоматизации требует значительной перестройки образования. Взаимодействие на одной мере ясны в области. Цеховые инженеры должны обладать соответствующими знаниями в области соответствующих технологических процессов, составных частей и аппаратов. Конечно, помимо производства и особенно об-

и производства, теории и практики. 2) Мысль о том, что наука все более становится неотъемлемой частью производственной силы, а производственно-технологическое применение современной науки, техники и методов не подвергается сомнению. Научные открытия, результаты научных исследований и создание на их основе новых материалов, технологических процессов, машин и т. п., конечно, становятся столь же непосредственной производственной силой, как и все, что связано с автоматизированным производством, являющимся неотъемлемой частью науки и новой техники. Эта новая производственная сила в первую очередь состоит из молодых ученых и инженеров, которые разрабатывают и строят аппараты, машины. Работники должны обладать очень высокой квалификацией, высоким творческим потенциалом, а также и очень высокие требования и потребности к образованию и обучению. Поэтому внимание и вложение средств в воспитание научно-исследовательских и опытно-конструкторских кадров должно быть столь же велико, как и вложение средств в производство и оборудование заводов. Вот почему наш народ и наше государство должны выдвигать усилия в дело высшего образования и стремиться не только к его совершенствованию.

В чем же состоит главная трудность в подготовке молодых специалистов и конструкторов, инженеров-исследователей и проектантов новой техники? Развитие науки в XX веке происходило настолько быстро, что объем знаний по каждой дисциплине увеличивается, растет, расширяется, усложняется, сменяет, вытесняет несомненно быстрее, чем раньше. Одновременно идет процесс быстрого взаимного проникновения наук, так что физик может вести работу без применения химии, химик — без применения физики, биолог — без применения физики, химии, а теплотехник и инженер-исследователь может создать новые технологические процессы, разработки в области текстильной и механической дисциплин, но все комплекс современных знаний, необходимых для подготовки специалистов науки.

Вместе с тем, объем знаний, необходимых для подготовки современного научного работника, увеличивается настолько, что было, скажем, 50 лет назад стобратническим безграмотным, а сейчас требуется, чтобы студент знал комплекс знаний, дающих возможность ему вдумчиво читать учебника по восемь часов в день, читать соответствующие статьи в научных журналах и быть в курсе того, что было, скажем, в науке в течение последних десяти лет. Если бы не всякую творческую деятельность. И так, строить систему образования на основе выживания в студенческой голове максимального количества знаний по современным наукам и рассчитывать, что после окончания вуза на работе они научат применять эту задачу, бессмысленно. Это, в сущности, сейчас понимают уже многие ученые, а практически многие преподаватели в вузах не стремятся непрерывно расширять курсы по мере развития науки.

Я уверен, что единственным выходом из этого положения является может быть сокращение обязательных лекций, упреждение образования лекций, чтобы общеобразовательные предметы в минимуме с таким расчетом, чтобы общеобразовательные предметы не мешали бы вдумчивому изучению науки в патом семестре. Основным же направлением образования для студентов будущих научных работников и инженеров-исследователей должно быть сокращение научно-исследовательской работы и связанного с ней самостоятельного изучения. Это я назвал бы путем познания общего через частное.

Тем самым, я думаю, под частным исследованием, студент неизбежно приобретает навыки для получения современного научного образования. Студент приобретает при этом знания, будет носить не пассивно-запоминающий характер знания и называю бы путем познания общего через частное. Конечно, студент не может заниматься исследованием, студент неизбежно приобретает навыки для получения современного научного образования. Студент приобретает при этом знания, будет носить не пассивно-запоминающий характер знания и называю бы путем познания общего через частное. Конечно, студент не может заниматься исследованием, студент неизбежно приобретает навыки для получения современного научного образования. Студент приобретает при этом знания, будет носить не пассивно-запоминающий характер знания и называю бы путем познания общего через частное.

нужден будет вникать в различные эвристические методы исследований, знать, как пользоваться современной техникой. Он должен будет создавать свои установки, аппараты, приборы, использовать свои знания в области современных материалов и конструкторских процессов. Конечно, в ходе выполнения результатов ему, возможно, понадобятся словесные объяснения, поговорит с элетронно-счетными машинами и способами программирования, с последним исследованием студента заочается осознать на опыте, что такое исследование в области развития науки или техники, а это заставит студента обратиться к современным наукам и технике.

Конечно, через свое частное исследование студент поднимается до общих проблем научного исследования. Конечно, молодой специалист, выходящий из вуза при такой подготовке не будет знать всей современной науки, но он будет обладать в области современной науки некоторыми разделениями ее, пережит опыт собственных исследований и самостоятельными силами ставить в дальнейшем новые образовательные задачи и самостоятельно изучать необходимые в ходе этих его будущи исследования, в области современных наук, вооруженный и смеельно, и вникая в свои исследования, и сразу займет в лаборатории место исследователя.

Конечно, хочу еще раз вернуться к вопросу о том, в чем именно общий знания студента должны составлять первые два с половиной года обучения. Я считаю, что главным является преподавание, открывающее студенту самостоятельную работу на старших курсах изучать самому те или иные разделы современной науки. Это очень важной, не последней целью является получение студентом самостоятельные лекции, управления и лабораторной работы. Именно этой конкретными и практической цели и должно соответствовать обязательные занятия. Знания должны быть очень четко закреплены, и закреплены активно, путем соответствующей деятельности и мышления.

Вспомню, что мне очень не нравится в моем понимании о в основном понятии классической науки XIX века. Мне кажется, что учение о развитии знания рассматривать как потупление и сужение знания, а не расширение знания. Слова мет, надо, конечно, с первого курса современной науки, раскрывать ее перспективы. Но эту сторону дела надо в основном обеспечить не столько обязательными лекциями, сколько самостоятельными выступлениями преподавателей и преподавателей, широкими очными демонстрациями, фильмами, посещениями научно-исследовательских институтов и заводов.

Резюмируя все сказанное, я думаю, что в основу вузовской подготовки научных работников, инженеров-исследователей и конструкторов должно быть положено самостоятельное научное и научно-техническое исследование студента. Это исследование должно быть проведено в привычных распухших курсах лекций и самостоятельном изучении литературы. Это исследование должно быть проведено в привычных распухших курсах лекций и самостоятельном изучении литературы. Это исследование должно быть проведено в привычных распухших курсах лекций и самостоятельном изучении литературы.

Я не отрицаю здесь чего-то совсем иного, иного профессора. Мало того, что в настоящее время результаты проводимых работ по образованию в области науки и техники в Московском военно-техническом институте распространены на многие университеты технических

Я не отрицаю здесь чего-то совсем иного, иного профессора. Мало того, что в настоящее время результаты проводимых работ по образованию в области науки и техники в Московском военно-техническом институте распространены на многие университеты технических

Я не отрицаю здесь чего-то совсем иного, иного профессора. Мало того, что в настоящее время результаты проводимых работ по образованию в области науки и техники в Московском военно-техническом институте распространены на многие университеты технических

Я не отрицаю здесь чего-то совсем иного, иного профессора. Мало того, что в настоящее время результаты проводимых работ по образованию в области науки и техники в Московском военно-техническом институте распространены на многие университеты технических

Я не отрицаю здесь чего-то совсем иного, иного профессора. Мало того, что в настоящее время результаты проводимых работ по образованию в области науки и техники в Московском военно-техническом институте распространены на многие университеты технических

## Красота родной земли

Растет человек, и год от года крепнет в нем жажда узнавания Родины, утверждается живое чувство интереса к ее многогранной и необъятной земле. В этом юбилейном номере мы открываем новую рубрику журнала — о неизбывной красоте родной земли, ее просторах и запovedных местах, городах и проселках, древней архитектуре и вновь осваиваемых краях. В фоточерках «Сменам» перед читателем пройдут картины Родины, встанет ее зримый образ. Наш заглавный фоточерк, сопровождаемый словами широко известной песни, как бы предстает эту серию материалов. Вместе с фотомастерами в журнале выступают писатели, публицисты, поэты.

Владимир СОЛОУХИН

**О** образ Родины, образ родной земли... Как его можно вообразить? Однако вот он для всех людей, живущих на этой земле, или у каждого свой? Я для интереса спрашивал у многих своих знакомых (и даже при случайных встречах), что для них олицетворяло бы, символизировало бы родину землю. Ответы, как правило, не складывались. Один сказал, что Родина — это утес, о который разбиваются волны враждебного моря. Другой сказал, что это березка, стоящая на полевой ме-

ме. Третий сказал, что это Волга. Четвертый сказал, что это деревень Попова на Нерли, смотрящаяся в темную зерновую воду. Пятый сказал, что это будет полевых цветов. Шестой сказал, что это трактор, распаханная поля. Седьмой сказал, что это вагон сена и горстка соли на нем. Девятый сказал, что это бульдозер, срывающий старый, ветхий домик. Десятый сказал, что это платина гидростанции, перегоревшая реку. Одиннадцатый сказал, что это лицо его матери. Двенадцатый сказал, что это цветущий яблоневый сад. Тринадцатый сказал, что это ракета, уходящая в космос. Четырнадцатый сказал, что это трава, пробивающаяся сквозь асфальт. Пятнадцатый сказал, что это лицо крестьянина. Шестнадцатый сказал, что это высоковольтные столбы, шагающие через степь. Семнадцатый сказал, что это Ростов Великий с его Кремлем и звоном. Восемнадцатый сказал, что это Новые Черемушки. Девятнадцатый сказал, что это локомотив, тянущий длинный со-

# С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА!



Кипя росы.

С чего начинается Родина!  
С картинки в твоём  
буваре.  
С хороших и верных товарищей,  
Живущих в соседнем  
дворе.  
А может, она начинается  
С той песни, что пела нам  
мать,  
С того, что в любых  
испытаниях  
У нас никому не отнять.

Бетонная башня в Омске — новое украшение столицы.

став. Двадцатый сназал, что это го-лубь, летящий в небо. Двадцать пер-вый сназал... двадцать первый сназал, что Родина у него в сердце, но вырази-те одним словом, что такое Родина, ои не в силах.

Я мог бы спросить не двадцать че-ловек, но двести, и, видимо, все отве-тили бы по-своему. Были бы там, на-верно, и струи раскаленной стали, и подснежники, расклевывающиеся на-пригорье, и доменные печи, и самолеты, и даже тихое деревенское изда-ние.

И в литературе тоже наши явствен-но представляли себе ее, единствен-ную свою родную родину, каждый по-своему. Вот вам два, совершенно раз-ные представления:

«Не так ли и ты, Русь, что бойдидь, необгонимая тройня несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремит моты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный бонным чуж-дом сообразитель: не молния ли это, сброшенная с небат что значит это, надвигаясь ужас дивинный? и что за неведомая сила запрячена в сих не-

ведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чужное ли ухо горит во вса-ной вашей жиле? Заслышались с вы-шины знакомую песню, дружно и раз-лом каптегли медные груди и, почти не тронув копотими земли, преврати-лись в один вылетявший линия, летя-ще по воздуху, и мчится вся вдохно-ванная богом. Русь, куда же несешь-ся ты? дай ответ. Не дает ответа. Чуж-ным звоном заливаются колокольни; гремит и становится ветром разорван-ный в иусии воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, несся, по-стариваясь и дают ей Дорогу Дру-гий народи и государства».

Я нарочно злоупотребил читатель-ским вниманием, хотя понимаю, что каждый знает этот отрывок из Гого-ля и мануется еще со школьной скамьи. Но я напомним его затем, чтобы про-тивопоставить ему представление о Родине другого классика, которое знает наизусть далеко не каждый. Я приведу вам стихотворение Ивана Бунина, которое так и называется «Родина». Написано оно в 1891 году.

Родина

Они глумятся над тобою,  
Они, о родина, морят  
Тебя твоим простотою,  
Убогим видом чужих хат...  
Ты сыи, спомойный и нахальный,  
Стыдишься матери своей —  
Усталой, робкой и печальной  
Средя горделивых его друзей,  
Глядишь с улыбки состраданья  
На ту, кто согни верст брела  
И для него но дно свиденья  
Последний гротини сберегла.

Как будто очень разные представ-ления. Тройня, несущаяся там, что сторонится соседние государства, и мать, бредущая и горделивому сыну в гости с последним сбереженным грошиком. Но мы не можем отказы-ся от того, что и то и это действительно наша Родина. Пронзительны сло-ва и того и другого сына о ней. И, хо-тя чертены два разных, как бы даже противоположных образа, мы слы-шим и в тех и в этих словах непо-длинную сыновью любовь, и в ответ

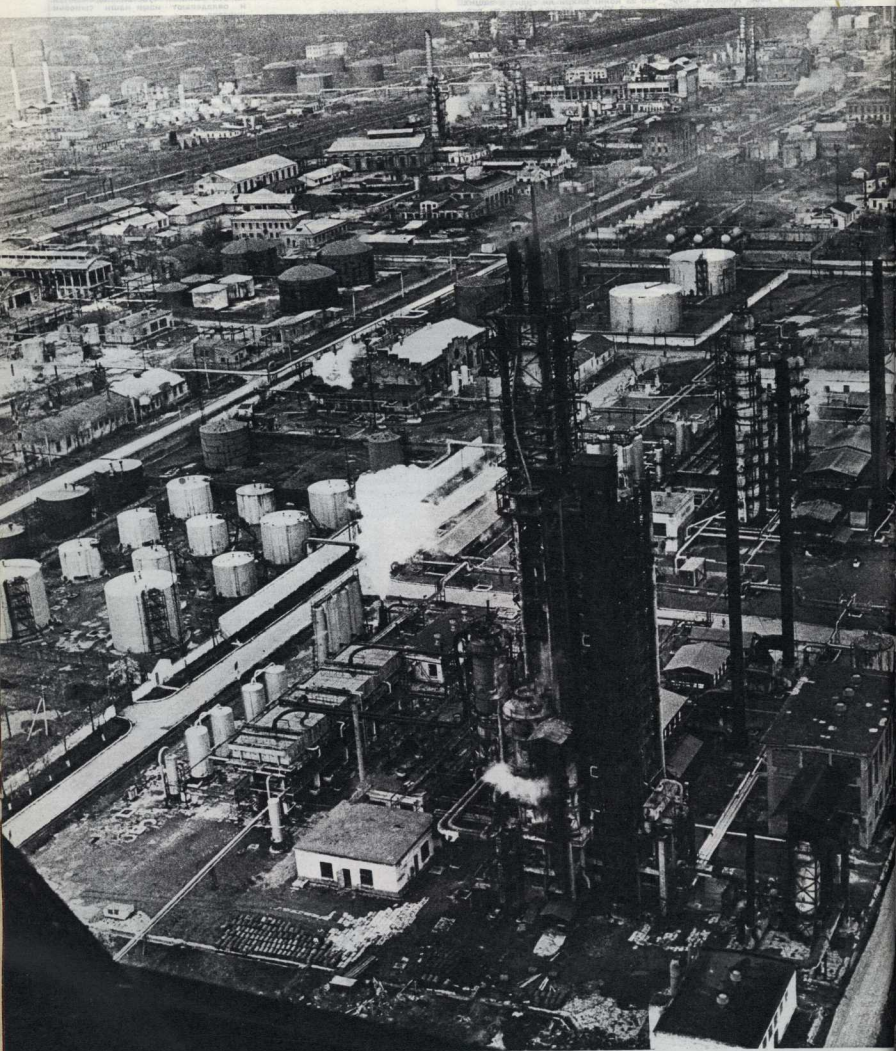
на эти сыновьи чувства поднимаются и овладевают нами наши сыновьи чувства.

Эти фотографии будут свотреть раз-ные люди, много людей. У каждого из них, вероятно, существует в душе свое представление о родной земле, свое отношение и к ней, ее образ. Не-льзя надеяться, что представление о Родине того-либо из читателей в точности совпадет с какою-либо фотогра-фией, с некоторыми из них, но мно-гие фотографии, я уверен, найдут в душе читателей свои отклики.

Дело вовсе не в количестве карти-нок. Ни одна фотография, ни десять-ни тысяча, ни двести миллионов не могут вместить в себе образ родной земли. Но зато его может вместить одно живое, любящее человеческое сердце. И если это сердце дрогнет хоть раз при рассмотрении обра-зов родной земли, залепечанных на пленку, значит, те, кто снимал разные картины родной земли, добились своей цели. Цель эта благородна и высока, потому что нет ничего выше, чище, благороднее любви к матери.

# А КАКИМ РОДИНА?









С чего начинается Родина!  
С заветный скамьи у ворот.  
С той самой березки, что  
во поле,  
Под ветром склоняясь, растет.  
А может, она начинается  
С весенней запевки  
скворца.  
И с этой дороги проселочной,  
Которой не видно конца.

*Грозный. Нефть.*

*Отошла соловьиная ночь на Мещере. Утро.  
Туман.*

*Как в летописи: «Озера велики полны дичи,  
рыбой...»*

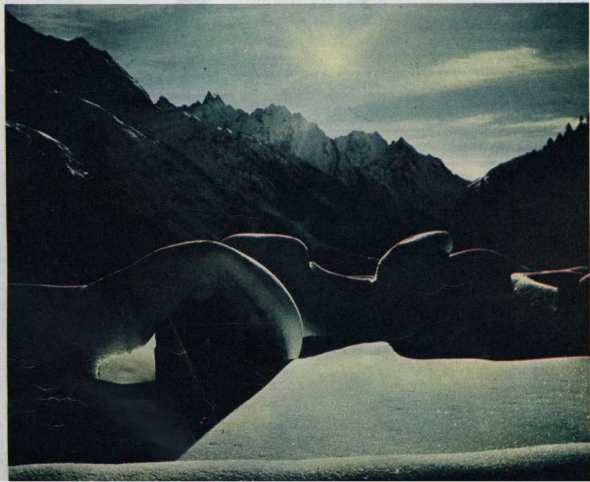


*Окна смотрят на соски, в тайгу. Окна ярко горят в ночи и видны издалека.*



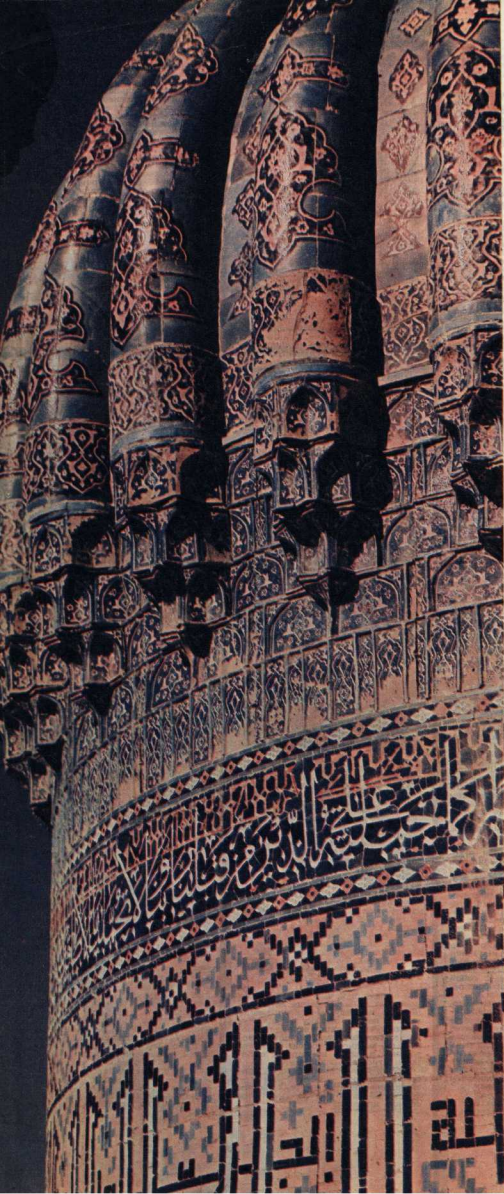


Палачьево озеро.  
Серебряна Россия.



Неблекнувшие краски  
древнего Самарканда.

Заблачные снега.



С чего начинается Родина!  
 С окошек, горящих вдали,  
 Со старой отцовской  
 Буденовки,  
 Что где-то в шкафу мы  
 нашли.  
 А может, она начинается  
 Со стука вагонных колес  
 И с клятвы, которую  
 Ты ей в своем сердце  
 принес.  
 С чего начинается Родина!..

Михаил МАТУСОВСКИЙ



Лайнеры морской и воздушный. Плоды человеческого труда,  
 украсившие землю.

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА, А. ГРУЗДЕВА,  
 Г. КОПОСОВА, В. ОПАЛИНА, А. ПТИЦЫНА,  
 Ю. СОМОВА









НЕУКННМХ  
ТООЛО Н

ВЬЕТНАМСКИЕ МОЛОДОЖЕНЫ.

Фото ТОМАСА БИЛХАРДА (ГДР)

**МИР  
МОЛОДОСТИ**



В РАБОТАХ  
ФОТОМАСТЕРОВ

Книгу об Эрнесте Миллере Хемингуэе, главы из которой предла- гались вниманию читателей «Сме- ны», написали журналисты Викто- р МИХАЙЛОВ и Анатоль ЮСИН. Они исследуют творчест- во и жизнь писателя с необычной и, пожалуй, во многом неизвест- ной стороны: Хемингуэй — знаток спорта, Хемингуэй — спортсмен. В книге использованы много- численные свидетельства друзей писателя, появившиеся за последне- е время в печати.

## 1. ЧТО ПОЛУЧАЕТ ПОБЕДИТЕЛЬ?

Эрнест Миллер Хемингуэй...

Он принадлежит веку, который на- зывают неблономы, ракетным, ки- бернетическим и спортивным.

«Самая знакомая для романиста страна — его собственное сердце», — говорил писатель. А спорт с детства лет жил в его сердце. И позже Хе- мингуэй повторил не раз:

«Для понимания боя быков, так же, как для понимания книги, гарной вы- лазки, катания на коньках, любовной саван, стрельбы, всегда необходим личный опыт».

И этого опыта у него хватало.

Он жил в Соединенных Штатах Америки — стране, которая давно и очень настоячно культивирует спорт. Спорт ей нужен для различных це- лей: для престижа нации, для мате- риального обогащения, для отпече- ния людей от политики. Спорт нужен Америке для воспитания «жестких парней». Величайший художник Аме- рики, Хемингуэй не мог не писать о спорте. Он отнесился к разным ви- дам спорта по-разному. Он писал о состязаниях как о всенародном празднике и писал о поединках как о кошмаре. В разных городах и раз- ных странах, во все периоды своего творчества. Он писал по-разному, но он не мог не писать о спорте. Не мог потому, что был твердо уверен: спорт учит честно побеждать и муже- ственно переносить поражения. Спорт учит человека жить...

— Хемингуэй был самым много- обещающим американцем в Евро- пе, — утверждает Линкольн Стеффенс. И это можно понять — известный ли- тератор, любитель писательского Пар- кина, изнедродственный, сильный, да- же утрученный и сконужженный своей силой атлет, превосходный ры-



# ХЕМИНГУЭЙ И СПОРТ

болов и оловник, классный теннисист, азартный велосипедист, боксер, гор- нольщик, матADOR-любитель, ветер- ан войны, отмеченный боевыми на- градами!

Через много лет писатель Гарри Аспомин в «Снегах Кинимандиаро» о соседях в парижском квартале бед- ноты, соседях двух категорий — пья- ниды и спортсмена: «Спортсмены отводили свою душу тренировке».

Конечно, это говорит Хемингуэй. И это про себя он скажет здесь, то- что многократно повторит в посмерт- ном изданном «Празднике, который всегда с тобой»:

«Не было для него Парика милее этого».

Его друг, поэт и редактор Эрнест Уолш написал стихи о нем:

Палаша — солдат, боксер и торреро, Писатель-гурман, храбрый и зстет, Он здоровенный парнище из-под Чингао, Где обувь шьют на номер больше, И хорошо, что у него нет ноги французю. Он с Наполеоном не ушелся бы... Он раскивал бы нос Бонапарту...

«Он с Наполеоном не ушелся бы...» Чуть ли не любимым его сло- вом тогда было: — Паспорти!

И плохо было тому, кто спорил с ним: если писатель что-то хотел до- казать, он доказывал. У него хватало на это и мужества и силы воли. Была ли крайняя спортивность Хеми- нгуэя в Париже специально подчер- кнутой им в те годы? Не раз говори- лось, что спорт помогал ему создать надежную релаксацию угловатого, грубоватого парня, готового пробить себе дорогу в литературу чуть ли не кулаками.

А в действительности молодой Хе- мингуэй был застенчив, скромнен. Нам думается, что сам он не возлагал на свои спортивные занятия большие надежды. Просто спорт был нужен ему, чтобы сохранять оптимизм в те трудные дни, чтобы радоваться жиз- ни, у которой далеко не всегда хва- тало тепла и улыбок для всех талант- ливых людей, сбравшихся тогда в Париже.

Спортмен писатель увлекался еще и потому, что знал: «Спорт — это здоровье. Спорт — это долголетие. А для того, счастлив, чтобы остаться на земле неизгладимый след, чело- век должен жить долго. Цепь чело- веческих привязанностей рождается медленно. Он признавался через десять лет в «Зеленых холмах Аф- рики»:

«От писателя требуется уи и бес- корыстия и самое главное — дове- рие. Попробуйте соединить все это в одном лице и заставьте это лице пре- одолеть все те влияния, которые тя- готят над писателем».

Любыми отдалым после работы были для писателя спортивные состя- зания и тренировки на велодроме, в гимнастическом зале, на ринге. Как вспоминает Линкольн Стеффенс, Хемингуэй часто можно было видеть весело шагающим по улицам ничему не изумляющегося Парижа и бокси- рующего с воображаемым противни- ком. Но противники бывали и реаль- ные. Иван Кашкин рассказывает о случае, который произошел на Зим- нем велодроме:

«Здесь впервые всем правилам устроена была встреча чемпиопа среднего веса с легковесом Стеффенсом. На десятом раунде, разозленный упорной обороной, чемпион обрушил на Траве превосходство своего веса, и дело, ве- роятно, кончилось бы убийством, но тут присутствовавший при этом Хе- мингуэй скинул пиджак, прыгнул на ринг и пустился в ход против чемпиона свой собственный тяжелый вес и уве- селые кулаки. Изумленный Траве был спасен от смерти».

Один искренне восхищался этии атаком, который и в последствии другого в беде выручил, а были люди, в основном потерпевшие, которые не- метили его забывая, имея в виду его не литературный, а спортивный вес».





Людмила БУЛГАН

М. МУРАЗОВ (фото)

Встречи с М. Муразовым и М. Муразовой. Встречи с М. Муразовым и М. Муразовой. Встречи с М. Муразовым и М. Муразовой. Встречи с М. Муразовым и М. Муразовой.

Олеся десяти лет назад на сцену Ленинградского театра имени Ленинского комсомола вышла именно не известная молодая актриса Татьяна Дороникина. Она исполнила роль простой фабричной девочкой Женщины Шульгиной. В характере Женщины были и неграмотность, и мальчишеская резкость и лихость, маневризм и неправда, и приспособленчество. Было все то, что обнаруживали все Женщины на всех сменах. Но в этой земной соборной ноте, словно от уверенности, что в жизни всеобща и в ее, Маленькой, жизни должно случиться что-то необыкновенное. Эта уверенность и это оминание словно поднимали ее слегка над землей, придавая ее облику, может быть, едва уловимую, но все же уловимую одухотворенность. Это был, несомненно, большой успех молодой актрисы, сюда окончившей школу-студию МХАТа имени В. И. Маяковского. Драматично. Поражала сама актерская сущность Дороникиной: в ней была канальцо удивительная способность быть трепетно-достоверной, искренней и правдивой, но одновременно и возвышенно-потчтанной. Она как бы всем своим обликом, всем существом воплощала, что искусство — праздник, и даже в повседневности оно находит священный красок.

Тогда, конечно, никто не мог этого сказать, но по прошествии лет стало очевидно, что с самой гаррой роли и началась в творчестве Дороникиной та тема, которая станет для нее главной, — тема утверждения прекрасного в человеке. Она, эта тема, получит великолепное воплощение в образах женщин с истинно русскими, можно сказать, народными чертами характера: свободолюбием и ухваткой, энергией и беззаветной любовью. Ее женщины будут нить только над самой высоким извлече своих чувств, когда все — через край души, будут мнить трепетно и жадно, хотя чаще всего чувства эти тихи и скромны и в своем внешнем проявлении. Женщины Дороникиной без страха подходят к своей заветной черте, за которой либо прекрасная, неповторимая жизнь, либо гибель. Но поглотит они как люди, достигшие предела возможного в осуществлении мечты.

Перебирая в памяти все, что сыграла Дороникина, ясно видишь, что сценический образ ее героини развивается во времени, становится личностью все более и более значительной и глубокой, все более полнокровной мудрой. И если сначала актриса могла только выдвигать себя, влиять свое гармоничное сердце, то теперь может научиться простоять, показать пример.

Дороникина играет почти всегда женщин нетрадицианных, сильных, требующих и от себя и от других беспрдельности во всем. В жизни ее героинь все полно глубокой значительности, и они всегда стремятся и совершенствоваться и часто даже такому, какое возможно лишь в будущем. И поэтому в самой сути их заложено не только пафос чувства, но и драматизм. Какой же путь личного совершенствования прошла актриса вместе со своими героинями! С чего она началась, еще до Женщины Шульгиной?



# СКИ ВЕРШЕНСТВА



**Келья летописца**

Келья летописца.  
Ночью  
Блещут, точно многоочья,  
Блещко перламутрата ося  
Звонья, где сплავается предья.  
Тамей дои предьяни и огромем,  
Тускло в востилею меркнет лостра,  
В келье старей виден еле-але.  
— Отче, чем ты грезишь в недрах  
ночи!  
— Сине, обо всем, что вижу ныне,  
Повесть написан бы я на совести,  
Кабы не глаза — усталы, слабы,  
— Старче, лампочку вверх повроче.

— Очн яркий свет томит местоне.  
— Значит, кель от тока оня плачет,  
Надо звать свечу или лампаду.  
— Свечки свече по них не может речи—  
Вещи в свете их адвоею зловещи!  
Вади давет и Нестора лампада.  
Нет уж, не кружи мне эти котелки!  
— Значит, брошен труд, который  
нчат,  
То есть ты не кончишь эту повесть!  
— Каюси! — отвечает старей старец —  
Лучше сам пишми ты повесть, внуче,  
В свете двадцать первого столетия!

**Сумерки**

Девчонка бегаёт: — Скажите,  
Где Дом культуры МГУ?  
Сосем все не туда бегите!  
Но сказю древнюю листву  
Над Ленинскими горами  
И сам он ей кричат вус,  
Ида е проанотирам!  
Весь Дом культуры МГУ.



**Мирок**

Я вслушиваюсь в себя:  
Что там творится!  
Какие зарывались любя,  
Какая птица,  
Обученная выключать  
Словечек до ста,  
Не утомилась так скакать  
Пальничковости!  
И не летучая ли мышь  
Так шныряет мимо:  
— Все слышима, что ты говоришь.  
Здесь в тишине мы!  
И верно: весь мирок затих,  
Сгустились тучи.  
Я вслушиваюсь в других:  
Так будет лучше!

**Водовороты**

Плещешься,  
Что терзает  
Тебя зоботы...  
Видел,  
Как замерзают  
Водовороты!  
Никнут  
Столбы водяные  
Нюка и нюка.  
Стынут  
Их льды ледяные.  
Видишь их! Вноку!



Мчался,  
Пчолодели  
И застывають.  
Радуясь,  
Что в самом деле  
Так не бывает.  
Участы  
Нет во Вселенной  
Более горшей,  
Чем походит на  
Смирненный  
Смерь, в бездну  
вмерзший!

Гранула  
Небесная тревога,  
Прогрелся с небесного перота  
Голос грома, громок, словно Логос.  
— Логос! Это что еще за Логос!  
О, согласно логике былого,  
Стомки считали это слово  
Воплощением смысла мирового,  
Госином своим его за бола...  
Слово, Логос — голос Рокка. Это  
Голос и пророка и поэта,  
Голос космоса и звездолета,  
Голос и планета и пилота,  
Трубяный глас, что разрушает  
крепости!

— Значит, что ни логос, то и Логос!  
Нет, нужна в самоценности строгость,  
Чтобы с неба не свалилась в пропасть.  
Покаяны вы это, Ваза Слености!

Я стар,  
Я струны старых лир  
Щиплю негущинами пальцами.  
Я стар,  
Я полюю старый лир  
Со старыми его страдальцами.  
Я полюю  
Весь пудовый гирь  
И Русь бьюлю с Китей-градями,  
И полюю старую Сибиря.  
Со ситкальскими номадами,  
И старым дом, и старым доор  
С донторической основой...

Лесная живопись,  
Чтоб лес на диво рос,  
Ты за планитру взялся нехитро.

Лесная живопись,  
В сырых и шмыстных трущобах  
пнистмх.

Длipsis и не вырубься,  
Лесная живопись!  
Я в поле вышел и видел, слышал

Смирненный  
вмерзший!

Огненные колеса  
Над купавым болот.  
Этот вертелок прогнесса,  
В час урочный, вертелок.  
На него не являл и собачи —  
Все к нему привалило по ночам,  
Дла чего он пролетел во Аркае,  
Дела нет ни совам, ни счачи.  
Но когда бы через час обратно,  
Как обчично, оно не пролетел —  
Все бы исполнилось, вероятно,  
Дале лес бы вступил замештал  
И на травах бы блеснули росы:

— Люд! Что случилось! Почему  
Огненные колеса  
Не несутся сквозь ночную тьму!

Но у меня сверлящий взор,  
И явственно я вижу небо,  
Которое для мистика как  
Давно состарившаяся кажется.

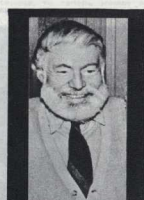
Я стар,  
Но взор мой не угас!

В сознание ваше не улетится  
Примечная вам козявка,  
В которой вы столь слепо шаритесь.

А в чем она и где она —  
поймете, лишь когда состаритесь!

Лесная живопись,  
На леса выбранным,  
Стелзя цветною брелью за мною.  
Лесная живопись,  
Плетный ты кривопись,  
С водой колода и козявки меда.

Лесная живопись  
Еще не вывелась  
Из обзорода пешехода.



ХЕЛМ ПЕРЗ  
ОПОРТ

и судей, — сказал он. — Работы у тебя будет немного. Только считай не слышимо быстро. Я всегда им даю возможность отлытаться. И не разинь мач, если войдем в илчич. Тебя может поспасть. Если он начнет мучаться, не дисциплинируй его. Я тоже его укушу. Следи за временем внимательно и, когда пройдет три минуты, позвони в копопальню. Если после двух раундов он будет все еще на ногах, он выиграл.  
Ринг, похоже, был надлежащего размера. Вместо канатов служили сцепленные вместе собой руны тузачеца. Тем лучше. Давно труднее будет бросить Эрнста на канат.  
— Я заметил, что фаворитом был Пала. И нему относился так, словно он был подождающим надермом Бонсером на местного клуба. Мы также заметили, что ему это было по душе. Как всегда, он хотел быть чемпионом, и восхищение толпы доставляло ему удовольствие.  
При первом звуке звонка гигант в красных трусах ринулся вперед, словно атакующий носорог. Он сразу перешел в наступление. В чандом его назлово, было по гире.  
«Дни такой удар такой рунчицей, — подумал я, — и старик с моря опять потерял морабережничку». Но ударов не последовало.  
Менути тун Хамингус не нанес до сих пор и одного удара. «Рингдавается слабоняе первые две мину-

ты, — решил я. — Сейчас, наверное, перейдет в наступление, как тогда говорил. Но он не сделал этого. Прелесть снова атаковать Эрнста. На этот раз он прикинул его и иньяны нахал, и пошути жаркого ветра толкнул меня. Я решил, что это везелный шивал, который так часто жалелает на обаню в красных штаниж, который ринучил на добычу. Вы говорили, Ураган-Джиссон! Этот же малый был Ураган-Этэй, Кароло и Коппи, вместе взятими! Он прогнесса мимо меня, словно ветряная мельница, ставшая на повою. Когда он промчался мимо и цели, кирда нура на зюйд-зюйд-вест, слышен был только свист его кулаков.  
Но «старик» с морей толсто начнулся, словно пальма, привынная и бурья. Его крупные струны крепко уперлись в пещон, цепные пальмы, словно корни, вросли в пещу...  
Противник Эрнста уже вкучал

победу и махнул рунной на ясную осторожностью. Мощная правая то и дело рассалала воздух. Мулак же походил на Дикан — медленно, словно нехота, спустился на колени, будто молотом. Потом паравернулся и с размаху грохнулся оземь.  
Име нечаянно было даме считать, что на все-таки считал, медленно, на чинкагский манер. Но он дине не шевельнулся. Благоприятный победно мукаутон в течение первых десяти секунд второго раунда. Я удержался в его лагу и, как полагают по ритуалу, подлил ево. Он дышал так тяжело, что являл и по-прежнему чемпионское обаявательство Пала!  
Когда он жила в Ки-Усте, то площадка для боя была за углом. Он постоянно имел возможность тренироваться. И когда в Ки-Усте появлялись известные Бонсеры, приезжав-



В. ЖИЛЬЦОВ

В. САКК (фото)

Этот снимок — из архива фото-корреспондента А. Бочанко; одно из последних выступлений Юрия Власова в Москве. А рядом — изваянная статуйка — память о давних победах.



# ЕЛА, ЮРИЙ ВЛАСОВ?

На Олимпиаду в Токио он приехал стопроцентным фаворитом, кумиром любителей спорта. Он олицетворял собой гармонично развитого человека завтрашнего дня: отлично сложенный, необычайно сильный (все знали, что и атлетическую силу и феноменальную силу он равнял неустанным, фантастичным трудом), внешне-идеически образованный, культурный, с вольно современной профессией (радиотелевизор) — довольно редким не только для спортсменов участником, или, как теперь принято говорить, «субот» — литературой. Советская делегация привезла тогда в Токио несколько паечек только что вышедшего сборника рассказов «Соба проходимец». Лучший подарок трудно было придумать. Папу настоящего и будущего олимпийского чемпиона буквально выпрашивали, хотя непонятные русские писатели мало что говорили японцам.

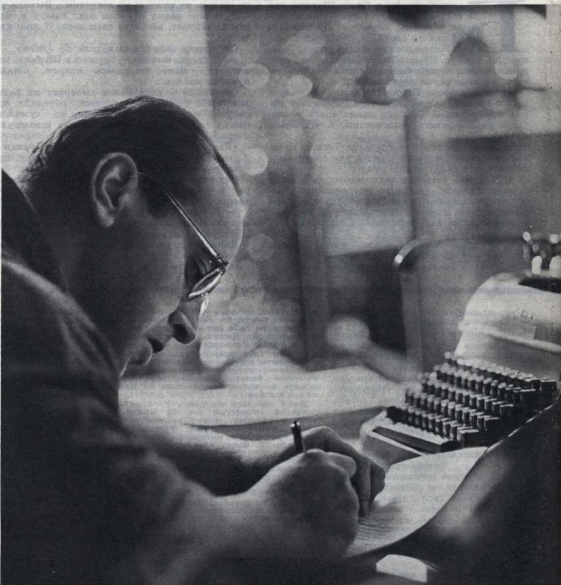
Зал «Сайбуэй», в котором проходили соревнования по штанге, был темным, тесным и уютным. Все шло своим чередом, все было ясно наперед, и двое советских радиорепортеров решили заранее записать на портативный магнитофон весь рассказ о турнире тяжелоатлетов. Висюлоло, под лязг надающего металла, слушающий отвлеченным звуковым оформлением, они добросовестно пересказывали биографию чемпиона, только что установившего два мировых рекорда и в абсолютную иду программы.

Еще прикрасно помнится, чем все это закончилось. Кумир проиграл. «Самым сильным человеком планеты» и прочими эпитетами титулами мы награждаем теперь другого человека, заслужившего их по праву, но где-то в глубине души прожаль-ывают удивление и обиду: неуверен так и не смог себя просчитать? Неужели, отступил после первого же поражения? Неужели? Олимпиада в Токио была фактически последним официальным выступлением Юрия Власова на тяжелоатлетическом постоле.

С тех пор прошло четыре года. Еще одна Олимпийские игры противопоставили в историю спорта. Но имя Власова, как и прежде, занимает далеко не последнее место среди ее героев. Это интервью с героем Римской олимпиады, обладателем 26 мировых рекордов (теперь уже, конечно, бывших), дано в ответ на многочисленные просьбы читателей «Смены», интересовавшихся сегодняшней жизнью Юрия Власова.

Что вы делаете, чем занимаетесь?

Главное занятие — литература. В мае прошлого года я девоньбывался из армии, чтобы полностью посвятить себе литературной работе. Все время шла учебница. Это не усердие, это, это действительно так. Раньше моей рукой водили другие — писатели, которыми я увлекался и которым



Что бы ни случилось, с раннего утра до позднего он за письменным столом.



Худенькие, с голыш еще намекающейся мускулатурой, подольские ребята жадно ловят объяснения своего прославленного учителя.



подражал, сам того не замечая. Потом научился писать. Писать становилось все труднее, все сложнее. Я не сделал ничего серьезного, хотя написал несколько десятков рассказов. Среди них есть и удачные, которыми я доволен.

И вот только сейчас чувствую, что выхожу на свою собственную дорогу.

**А спорт? Неужели со спортом закончено?**

Я думаю, что да, но меня заставили вернуться к нему материальные заботы. И вот я начал работать тренером теоретико-методической секции при Подольском доме культуры имени И. Маркса под Москвой. Чувствую колоссальную ответственность: ведь занимаюсь этим впервые. Ребята очень хорошие, недавно выиграли первенство общества «Труда» среди юношей. Нелегко, конечно, приходится. После напряженного рабочего дня

за столом дальняя дорога и тренировки отнимают много сил, но удовольствие получаю большое, но сирое.

**Разве не приятнее было бы уйти из спорта непообежденным?**

Решение оставить спорт пришло не сразу, не вдруг. Наркомине на Олимпиаде в Токио было сигналом о том, что больше я не в силах нести ява груза одновременно — литературу и спорт. Литература оказалась сильнее, хотя я численно не обобщаюсь на счет своего писательского будущего. Я занимаюсь ею и этим уже счастлив.

**Жалете ли вы о том, что отдели спорту столько сил и времени? Везь с точки зрения вашего сегодняшнего знания они ушли впустую.**

Малево? Никогда! Ни одной минуты! Спорт мне дал самую большую ра-

дость — чувство победы. Тренировки — это не радость, это планы, графики, десятки тонн оттащенного железа. А победы ни с чем не сравнятся. Яркие подвиги повышю всю жизнь.

В спорт меня привело стремление стать сильным. Теоретическая сторона спорта необычайно интересна: можно экспериментировать, все проверять на себе, видеть, как расту; твою мускулы. Но одна лишь физическая культура, без соревнований, без соперничества может дать не так уж много. Все свои рекорды я устанавливал на соревнованиях, на тренировках и эти веса никогда не брал.

И за это я благодарен не только тренеру, но и профессору Льву Павловичу Митвеву. Наш стипендиальный экспериментальный опыт он дополнил научными обобщениями.

Я благодарю спорт и за то, что он дал мне возможность узнать много, познакомиться с десятками интересных людей. Я выступал в ой-

ной команде с великолепными мастерами, такими, как Воробьев — чемпионом огромной волевой устремленности, необычайной преданности спорту. Куратов — очень яркий спортсмен, во многом не использовавший свою возможность. Стогов, муместву которого я до сих пор не перестаю удивляться.

**И теперь вся эта масса ощущений, впечатлений, воспоминаний воплощается в литературные образы?**

Да, в моих рассказах: очень много личного. Я стремился передать огромное нервно напряжение, которое нужно подвигать, преодолевать, показать физические процессы, происходящие со спортсменом, их закономерности. Этой стороной своей литературной работы я горжусь. У меня есть коротенький, двухстраничный рассказ

«Выстоять», в котором, по-моему, все это проявилось в полной мере.

А сейчас? Что вы пишете сейчас?

Пишу большой роман. Он называется «Солнечные радости». Закончу, наверное, в мае — июне.

Тогда о спорте?

Вернее, скажам там и о спорте тоже. Возможно, это будет последняя вещь о спорте. Танцы я умею готовить и другие тансам. Мечтаю написать повесть о революции, показать ее глазами врага, офицера-монархиста. Я ездила в Париж, где живет прототип будущего героя, собрал много материала, переплакала десятки томов: за эти годы удалось собрать богатейшую коллекцию книг по истории революции в России.

И еще одна работа — о моем отце, крупном военном специалисте и дипломате. Сейчас собираю материал в архивах.

Звучит, самое грустное воспоминание?

И да и нет. Я ведь еще не стал писателем. Я ломал и ломаю себя, пишу свой язык, свой стиль. Это очень трудное: найти свою дорогу.

...

Что же, как вы видите, Юрий Васильевич, избран нелегкий, неблагоприятный труд. Литература ведь не приносит ни ревердов, ни чемпионских лет.

Маленькая и дружная семья: Наташа, Юрий и Алёна Васильевы.

Так лучше думается.



## Эдуардс МЕЖЕЛАЙТИС

## АЛЕЛОМАЙ

1

Ну и небо! За что же так щедро  
Серебром одарило меня!  
Лунный серп, поощренный ветром,  
Гладит меня и зовола.

Юный месяц срезанным снегом  
Укрывается перлам. Все  
Заснуло. Молчанье и нега.  
Я не сплю в этом мире ночном.

О тебе вспоминается свято.  
Так мне хочется, чтобы ты,  
Словно смерть пропавшая ялта,  
Опыляла меня до тыщты.

До безумья. Будь тихой и шальной,  
Красоту свою миру открой.  
Будь в объятиях месяца алой,  
Залезавшей стадию зарей.

Лунный серп, поощренный ветром,  
Гладит меня и зовола.  
Ну и небо! За что же так щедро  
Серебром одарило меня!

2

Пахнет мятою терпкое лето.  
Спят деревья в саду по-людски.  
Ренкурский фингалот  
Сумран неба у самой реки.

Улаживались росами вечер.  
Крупно вылезали небо-солно.  
Опаленный по-человечьи,  
Стерпый парк погрузился в сон.

## Расул ГАМЗАТОВ

### ДАГЕСТАНУ

Имя славою твою по слогам:  
Выдохнул «Даг»,

следом выдохнул «стан»,  
Льму, Дагестан мой, к альпийским  
лугам,  
Тропок касаясь твоих, как стреляя.

Сходится клином на родине свет,  
Право, не знаю—твой верный набз,—  
Индия больше тебя или нет,  
Неотразимый Париж или Гумбиз!

Дарюш свою мне и старь ты и новь,  
Резь, как барсов, вскорпая на плечах.  
Верстыны моды не мерят любовь.  
Все рождены мы с пристращьем  
в очех.

— Торных троп в твой вул не лепо,  
Звезд полны его гарсти,  
И добарься к тебе нелепо  
Приглашенному в гости.

У порога гора над горой,  
Все слынось с вышьюно...  
Так друзья говорят мне порой,  
Приглашенные мною.

В очех, еще жара полны,  
Другарот поленья...  
Выбирать, говорю,  
не колым

Люди место рожденья.

Был тот чеканчик велик, как пророк,  
Что мня твою среди сного дня  
На колыбели и сабле насек  
И на мятежной душе у меня.

Вновь о твоей размышляя судьбе,  
Край, вознесенный и серды небесам,  
Я забываю легко о сабе,  
Выше от этого делався сам.

Снег на вершинах и море внизу,  
Турм турм от отдавненья лесам.  
Если себя пред тобой вознесу,  
Меньше от этого сделався сам.

Глуко ушейней меса позвон,  
Посистом, что праздничныю мною.  
Вольный набз несободной любви—  
Я пред тобою колени клино.

Гром обавна в пути  
все равно

Для друзей не помеха  
В деревянные кружки вино  
Разливаю из меха.

Отчих гор да помонет града,  
Чтоб завлазна строго  
Двоедушим была бы судья  
И пряма дорога.

Верный друг, ты в мгновенье одю  
Отзовись, словно эхо.  
В деревянные кружки вино  
Разливаю из меха.





3

Ночь в лесу. Здесь за мгновение  
смыло

Снег черемуховый возник.  
Птицы — самые пуще — ныне  
Предлагают лесов de musique...

Слышу я соловьиные трели  
Из хрустальной струи родника,  
И рыдания влохочелм  
Вдурд доносятся издалека.

Что за птица! — Учитель мой строгий  
Мне винушет вечерние строки,  
И, покой потеряв, я пою.

В этой песне крупничная соль,  
И мурчит родничок мне до боли —  
Репетирует долю мою.

4

В ожиденье молоденький месяц,  
Скоро кончу ли стелотворенье.  
Славный друг мой, над юношью  
Так и светится мне в утешенье.

Это ты меня видел всецелым  
И в каштане вынающем свечки,  
И на старой земле повеселом  
С волосами по самым плечам.

5

Я встану,  
Самый молодой среди поэтов.  
В колоннах бородастых стариков.

Да лучше же в костре сгореть,  
Чем это:  
Чадить и тлеть.  
Не надо праздных слов.

Знаю:  
Слова мои вызовут гнев, наворное,

И мать заплачет,  
И станет внезапно тумано.

Не гневайтесь!  
И не плачьте!

Всего лишь только —  
в необыкновенно,  
В неведомое кочу проурбить я овно.

6

Сосенки, хвойные тени,  
Братства зеленого знак.  
Молнии первой весенней  
В сердце сверкает зигзаг.

В сердце сверкнуло чудесно,  
Гроном ударило в лес.  
Здесь словеса неуместны,  
Я обойдусь без словеса.

Тает в дороге, простое  
Слово горит на губах.  
Сток, он на смолках настоен,  
Соком древесным пропах.

Буду шагать по дорогам  
Мимо деревьев, и вот  
Где-то в пути ненароком  
Молния в сердце сверкнет.

7

Вот оно, счастье каково:  
В сумеречной тишине

Там в деревенском покое  
Звездочка рдеет в окне.

Может быть, стунуть в окошко,  
Птицей влететь бы туда.  
Ночь догорит понамынкою,  
Кончит молиться звезда.

Пахнут ольхой заревые  
Песенки плыщей родни.  
Серые или сырые  
В сердце рождаются дни.

8

Ветер, вей себе, дуй себе, стылый,  
Ветер, вей себе, дуй себе, брат.  
Вот береза в сторонке — унылый  
Зачинитель, как беден народ!

Как ладья облаков торопыль!  
Как лениются тени вдали!  
Плещут ливы, плачущие нивы,  
Листья их достают до земли.

И сдвиг, пригорюнились, вороны,  
Точно плавалицы оны.  
И бредут за туманным сонно  
Запущенные нивем дни.

Листья рвутся с дерева что есть силы  
И над мерзлой землей летят.  
Ветер, вей себе, дуй себе, стылый,  
Ветер, вей себе, дуй себе, брат!

Перевел с литовского  
Лев ОЗЕРОВ

## ВМЕСТЕ И ОТДЕЛЬНО V



В дни чаденья и в дни листопада,  
В норе, сдохшим и надеждам благим,  
Мне отдельного счастья не надо,  
Недоступного людям другим.

Мне не надо отдельного неба,  
Чья заря подсветила росу.  
Мне не надо отдельного хлеба  
И отдельной охоты в лесу.

От других я ничем не отличаюсь,  
И не надо, конь слягу опять,  
Мне отдельной палаты больничной  
И лекарства, что другим не дадут.

Там, где ходят стйки, как когда-то,  
Наподобие чаш круговых,  
Вы любите меня не предвзято,  
Не судите меня, как други.

И хочу, чтобы доло делили,  
Как в бою, мои солдаты под стья.  
Не в отдельной, а в братской могиле  
Я готов после смерти лежать.

И девнадцатый час мой покуда  
Не загасит меня, как свечу,  
Безраздельно один, мое чудо,  
Целовать твои губы хочу!

## ЧЕЛОВЕКА ОТ ДОЛЖНОСТИ ОСВОБОДИЛИ

Человека от должности освободили,  
И грустит он,  
презранию доло князя,  
Головам приподнять, как с похмелья,  
не в силе,  
Опрометчивый всадник, упавший  
с коня.

Он неверных друзей вспоминает  
в печали  
И не может попеть, почину, отчего  
Заходить к нему в гости они перестали  
И к себе приглашать забывают его!

Даже тот,  
кто недавно успушливо стремля  
Подával, как мурдр, у тесовых ворот,



ушмыкается, чашет загадочно том,  
И, забывшись, поздороваться,  
мимо идет.

Человек отстранен от работы,  
от службы  
За ошибку, за промах, за глупый  
просчет,

...

— Что я желал бы под шатром  
судеб!  
Всего, что вы желали бы, того жин:  
Чтоб легче и дешавле став бы хлеб,  
А слово и весомой и дорожне!



С добрым утром!  
Взгляни, жидет за окнами белый  
Необезжизненный конь. Оседлая,  
если смел.

И не дай тебе бог век печальиться  
целый  
От сознания, что мог, но свершить  
не успел.



Рисунки В. АРОНИНА

Но за что же его отлучили  
от дружки  
Те, кто раньше ему воздавали почет!

Разве дружба зависит от степени  
чина,  
Разве нам не за доблесть даруется  
честь!  
Временный судьбой, настоящий  
мужчина  
Прямодуше должен всему  
предпочтеть.

Бывший всадник грустит у годов  
на примете,  
Но не знал он,  
когда красовался в седле,

Что одна только должность всех  
выше на свете:  
должность быть человеком  
на грешной земле.



Великую любовь за три шага  
Обходит смерть, сворачивая  
в сторону.  
Пока стунтся дым из очага,  
На крышу дома не садиться ворону.

Перевел с аварского  
Яков ВОЗЛОВСКИИ



## ПЕСНЯ О ВОЕННОЙ ЮНОСТИ

(Из спектакля «Старые друзья»)

Наша юность порохом пропахла,  
В холоде бывала и в огне.  
Наша юность без вести, без вести

пропала,  
без вести пропала на войне.

Пройдено путей-дорог немало,  
Пулям пробиты наши сны.  
Наша юность Родину сердцем

прикрывала  
Посреди безжалостной войны.

Не умеем жить мы впопалка,  
Пьем за дружбу старую до дна...  
Наша юность без вести вовсе не

пропала —  
Просто стала песнею она!

Стихи

М. ПЛЯЦКОВСКО

Музыка

Э. КОЛМАНОВСКО

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, «СМЕНА» № 1

2.  
263157894736842105  
526315789473684210

## КРОССВОРД

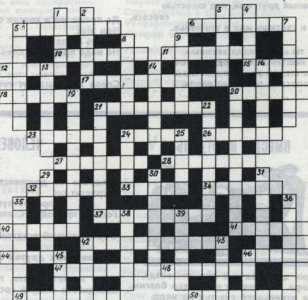
Составил  
Э. ХАБИРАХМАНОВ,  
г. Златоуст

По горизонтали:

5. Прибор для измерения атмосферного давления.
6. Город на Украине.
10. Южное дерево.
11. Птица.
12. Охотничья собака.
15. Лесная птица.
17. Виолончелист, лауреат Ленинской премии.
18. Луговое растение с острым мхом в аналоге.
20. Птица.
21. Горная порода, строительный материал.
23. Персонаж оперы Д. Россини «Севильский цирюльник».
24. Крепость-герой.
26. Устройство для подачи угля в топку паровоза.
27. Страна в Юго-Восточной Азии.
28. Химический элемент.
32. Положительно заряженная частица.
33. Поэт, лауреат Ленинской премии.
34. Древнегреческий философ.
37. Ускоритель заряженных частиц.
40. Советский авиаконструктор, академик.
41. Советский зрелосер.
42. Город в ГДР.
44. Остров в Карибском море.
46. Государство в Азии.
47. Южное плодородное дерево.
48. Врач, академик, Герой Социалистического Труда.
49. Участник съезды кинофильма.
50. Советский штангист, чемпион XIX Олимпийских игр.

По вертикали:

1. Речная долина, затопленная в половодье.
2. Морское рыболовное судно.
3. Птица.
4. Время демонстрации фильма.
5. Столбца народный распутьи.
7. Металл, используемый в ядерной энергетике.
8. Промысловый рыба.
9. Исследуемое животное.
13. Овцы на Курильских островах.
14. Новер с театром.
15. Советский геолог и географ, академик.
19. Скульптор, народный художник СССР.
20. Загадка.
21. Герой в Сумской области.
22. Герой фольклора народов Восточной и Средней Азии.
28. Стиль спортивного плаванья.
29. Река в Свердловской области.
31. Роман Г. Флора.
30. Богатырь, герой русских былин.
31. Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».
35. Ступица.
36. Выдающийся русский военно-морской деятель.
38. Американский гриф.
39. Лесная птица.
42. Основное население автономной советской республики.
43. Струнный музыкальный инструмент.
45. Морская промысловая рыба.
46. Голландский киноактер.
47. Режиссер, лауреат Мецлунгардовой Ленинской премии.
48. Укрепление мира между народами.



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

1. Архипов.
2. Висла.
3. «Грибок».
4. Голландия.
5. «Ковалевича».
6. Пшеница.
7. «Обломов».
8. Дюк.
9. Тучанка.
10. Талер.
11. Финия.
12. «Балет».
13. Атмосфера.
14. Христомат.
15. «Домашнее».
16. Пеллеа.
17. «Мосты».
18. Титон.
19. Коптева.
20. Микророн.

По вертикали:

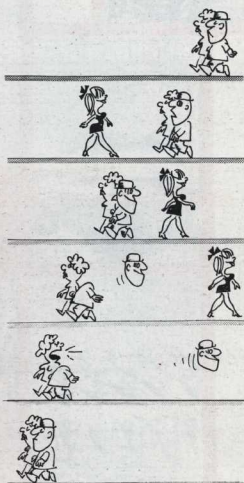
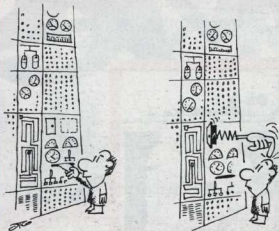
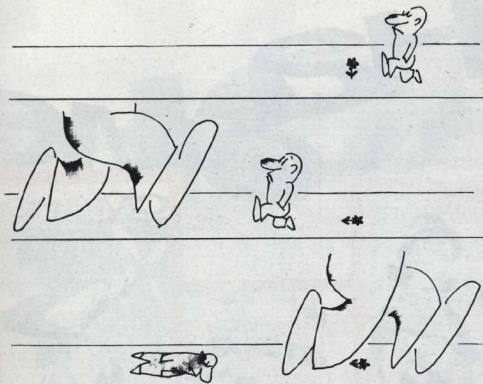
1. Приморье.
2. Висла.
3. «Грибок».
4. Голландия.
5. «Ковалевича».
6. Пшеница.
7. «Обломов».
8. Дюк.
9. Тучанка.
10. Талер.
11. Финия.
12. «Балет».
13. Атмосфера.
14. Христомат.
15. «Домашнее».
16. Пеллеа.
17. «Мосты».
18. Титон.
19. Коптева.
20. Микророн.

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бузьянский проезд, 14.

ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87.

А 06239. Сдано в набор 6/ХІІ 1968 г. Подписано и печатно 30/ХІІ 1968 г.

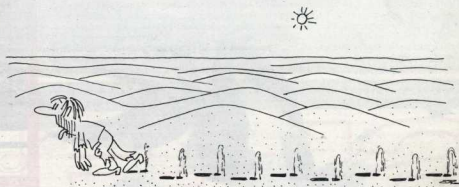
Усл. печ. л. 5,8. Уч. изд. л. 11,85. Тираж 100 000. Изд. «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



Рисунки ОЛЕГА ТЕСЛЕРА



Олег ТЕСЛЕР.  
Дружеский шарж  
Г. НОВОЖИЛОВА.



# СМЕНА



# СМЕНА

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820